

Языковые основы информационной войны на Кавказе

Принципы и способы ведения любой войны тесно связаны с некоторыми языковыми представлениями воюющих сторон. Это прежде всего концепты войны, мира, смерти, победы, чести и некоторые другие. Начнем с одного из фундаментальных для идеологии войны – представления о смерти. «Кавказская» смерть и «русская» смерть – два совершенно разных концепта. Очевидно, что в основе российского представления о смерти лежат различные языковые клише, идиомы и метафоры. Русская «смерть» двойственна, это либо что-то сказочно-трагическое, либо смешное, пародийно-комедийное. Русская смерть – это либо страшная старуха с косой, либо смешной «п... на тонких розовых ногах». Героическая высокая смерть эксплицирована идиомами «попал на небеса», «заснул вечным сном» и т. п. Она противопоставляется глупому фарсу бессмысленной смерти, отраженному в идиомах типа «капец подкрался» или «кондратий хватил». Говоря о смерти, русский человек смеется, употребляя забавные выражения вроде «сыграть в ящик», «склеить ласты», «сбросить лапти», «кинуть кони» или «отбросить копыта».

Для чеченской культуры подобное отношение к смерти совершенно не характерно. В смерти здесь не видят ничего смешного и ничего высокопарного. Смерть на Кавказе – это прежде всего важнейший поступок, находящийся по эту сторону границы между жизнью и смертью, а не по «ту», то есть это одно из событий «внутри» жизни. Непристойное отношение к смерти, которое мы находим в русском фольклоре, на Кавказе показалось бы безумием: « – П...ц! – сказал отец, увидев сына под трамваем. – Ничего, – сказала мать, – будем нового е...ь!» Как рождение, так и смерть в русском народном искусстве оказываются связаны с телесным низом. Характерны просторечные русские выражения, описывающие военные победы над врагом: «дать просрать», «утопить в говне», «накормить дерьмом» и т. п. Именно в связи с телесным низом находятся истоки комичности актов рождения и смерти. Умереть в России – как бы «неприлично» и «нехорошо», особенно по отношению к окружающим. В случае же самоубийства – это откровенно греховный поступок. А под самоубийством подразумевается совершение любых действий, могущих

повлечь за собой окончание жизни человека. То, что делают всякие мусульманские «камикадзе» и боевики, убежденные в своей святости и скором вступлении в рай, для христианского сознания — страшный грех, двойной грех убийства и самоубийства. Для нас подобная смерть — это глупейший, пошлейший и, в определенном смысле, комический поступок. Человек, напихавший себе динамита во все карманы и дырки и собирающийся это все подпалить — вызывает среди прочих реакций еще и смех. Помните бесконечные шутки с динамитом в мультиках про Тома и Джерри?

Для чеченца сама смерть — это не уход из жизни, это, напротив, важнейший поступок, доблестное свершение, то есть часть жизни. Это святое деяние, за которое полагается высшая награда на небесах. Именно поэтому смерть не страшна и не трагична. Страшен уход из жизни в ад, в неизвестность, а героический поступок — не вызывает страха, это приятное путешествие в рай.

В России смерть — самое страшное, что может случиться с человеком, именно поэтому мы хотим наказать «террористов», «бандитов» и «нелюдей» именно смертью. «Мочить» будем их, по выражению премьера. Но на Кавказе — смерть с оружием в руках — это не наказание, а удача, награда, подвиг. Наказать мусульманина-горца можно только доказав ему, что он совершил страшных грех, предав законы гор и Аллаха. В этом смысле Чечню можно победить только в информационной войне, в которой должны быть задействованы все мусульманские авторитеты мира. Потоки подобной действенной антиэкстремистской информации должны были бы распространяться по всей России и Чечне. Пропаганда эта должна была бы быть сугубо исламизированной, основанной на всевозможных фактах нарушения законов Ислама. Должны были бы освещаться истоки и смысл тех или иных течений в исламе, в том числе и вахабизма. Необходимо было бы создать мусульманскую программу возрождения истинного ислама. А наши танки и пушки мало что изменят в горах. Можно убить тысячу чеченских «зверей», можно две. Но погибшими здесь только гордятся. С них, что еще важнее, берут пример. В мифологизированном массовом сознании они становятся «вождями», кровь которых «взывает к отмщению». Мертвый Дудаев так же опасен, как и живой, потому что с его именем на устах умирают за Веру и Родину. Именно по призыву мертвых живые убивают и сами идут на смерть. Мертвый еще опаснее, потому что за него встанут десятки и сотни мстителей, убежденных в своей правоте. В этом смысле вооруженных людей в Чечне нельзя окончательно уничтожить. Начинается бесконечная партизанская война. А норма партизанской войны — это пущенные под откос эшелоны, взорванные дома и прочие ужасы, ничем неотличимые от террора в его современном понимании. Выиграть эту войну можно только благодаря трансплантации объекта мести и ответной мести со стороны одной части Кавказа — другой. Но это уже пахнет гражданской войной. Не случайно парламентарий, официальное лицо Дагестана Арсен Амарьевич Камаев сам рассуждает, как «мститель», а не как «гражданин»: *«Разрушите все дома, софрите их с лица земли, но уничтожьте этих людей...»* (Радио «Свобода». 11. 09. 1999). Здесь опять цена мести стоит выше цены человеческой жизни.

Россия же до сих пор не начала вести против Кавказа тактически и стратегически выверенной информационной войны, которая единственная может приблизить финал этих всеобщих кровавых «учений». Пока не слышно с «нашей»

стороны ничего, кроме воинственных заявлений, предназначенных русскому уху, но непонятных чеченскому. Предыдущая информационная война с Кавказом тоже была проиграна. В новой войне идеологий наши спецслужбы почему-то сохраняют информационный нейтралитет, не вступая в идеологическое сражение с воинствующим исламским экстремизмом, хотя на самом деле он очень уязвим в своих концептуальных основах. Но борьба с ним должна вестись исключительно с исламских позиций на языке, если угодно, «законов гор и ислама». Иначе «там» не услышат и не усомнятся. И будут дальше убивать и умирать.

То, что сейчас делают русские политики, журналисты, военные и спецслужбы под видом информационной войны с Чечней, — это просто инвектива, то есть негативная информация понятная «своим» и неслышная «чужим». Используются слова: «враги», «бандиты», «террористы», «нелюди», «звери» и так далее. Но обругать врага — это еще не значит победить его идеологически, это не значит выиграть информационную войну. Между тем чеченские спецслужбы явно используют стратегически более тонко построенный информационный блок. Это идеология, понятная и враждебная «нам». Во время предыдущей кампании 1994–1996 годов они пользовались нашим же языком европейских христианских ценностей, чтобы выставить себя в лучшем свете, сделать из себя жертв, а русскую армию выдать за палача. Наши же политики, говоря об «уничтожении бандитов», то есть попросту о казни преступников без суда и следствия, как будто поддерживают это представление. Оговоримся, что нас сейчас не интересует, кто палач на самом деле, а кто нет. Нас интересуют только фундаментальные принципы ведения информационной войны и ее стратегическая результативность. И так, в 1995 году в российское коллективное сознание чеченскими спецслужбами был внедрен своего рода информационный вирус. Вследствие этого русское общество раскололось. Наша единая идеология пошатнулась, а чеченская идеология «борьбы за свободу с палачами народа» в определенном смысле восторжествовала. В таких условиях информационно-идеологического поражения продолжать военные действия тогда было невозможно. Но сейчас чеченские спецслужбы опять пользуются «нашим» языком, называя себя «освободительной армией Дагестана», «миротворческим контингентом», а о чеченско-русских конфликтах говорят не иначе, как о «геноциде чеченского народа» (Интервью Масхадова 04.10.99), напоирая при этом на факты жертв среди мирного населения Чечни. Ответным ходом должна была бы стать дискредитация радикальных форм ислама, пропаганда других его, более миролюбивых, ответвлений, как единственно «правоверных».

Средства массовой информации, как правило, желают приобрести авторитет независимых, правдивых и объективных, чтобы иметь потом возможность навязывать доверчивому слушателю некую идеологию. Для этого необходимо использовать нейтральный язык деидеологизированных внеоценочных понятий. Так, радио «Свобода» не называют идеологически чуждых персонажей «нелюдями», «зверями» и «бандитами». Оно именует их нейтрально: «вооруженными людьми». И затем плавно и ненавязчиво подводит слушателя к «единственно достоверной» информации, шаг за шагом разрушая «недостоверную» «вражескую» идеологию. Так, Дмитрий Волчек во время интервью со специальным корреспондентом радио «Свобода» в Дагестане Андреем

Бабицким уклончиво называет вооруженных людей Басаева «силами», цитируя самого Басаева *«Шамиль Басаев объявил о том, что его силы совершают перегруппировку и направляются на помощь вахабитам в селения Карамахи и Чабанмахи»*. (Радио «Свобода» — Liberty Live. 11.09.1999). Выражения «вторжение банд», «агрессия ислама» здесь не используются вообще. Осторожный и умный Андрей Бабицкий ненавязчиво говорит о «захваченных» селах: *«Вполне возможно, что они оставляют захваченные села в Новолакском районе...»*. Врагов он называет не бандитами, а чеченцами, то есть характеризует их по национальному, а не военному принципу: *«... чеченцы действительно производят перегруппировку, и очень похоже на то, что они готовы оставить эти села»*. Их отряды он называет «подразделениями»: *«Что касается переброски подразделений на подмогу вахабитам в села Карамахи и Чабанмахи, то это фактически невозможно...»* (Радио «Свобода». 11.09.1999). Наши войска именуются «федеральными подразделениями», а события в Дагестане радио «Свобода» уклончиво называет «военной операцией». Такая тактика способна предельно расширить аудиторию данного СМИ, что является обязательным условием его участия в информационных сражениях. Радио «Свобода» не напирает на выражения вроде «фашиствующие исламские экстремисты» или «зверствующие исламские фанатики», как это делают русские политики. Подобный язык понятен только нам самим, вызывает народный гнев, но не ведет к поражению идеологии самих «фанатиков». А гнева у нас всех и так хватает. В информационной войне нужно было бы использовать идеологический язык самих вахабитов. Но нам плевать на их идеологию, потому что мы ненавидим их, не понимаем их и не хотим понять. Но чтобы победить, нужно сначала «понять», найти слабые места и взять верх в идеологической войне.

Не будем говорить о том, насколько эта позиция характеристики противника как «нелюдей», которых нужно «уничтожать», юридически корректна. Нас интересует, насколько она идеологически сильна, кому понятна, чего с ее помощью можно достичь. Понятно, что это не «язык горцев», способный создавать новые идеологии в самой Чечне, это лишь язык, направленный на разжигание национальной розни внутри России. Это «наш» язык, обращенный к «нашему» слушателю. С точки зрения единства российского общества он ведет к неизбежному расколу, к этническим чисткам, к войне «блондинов и брюнетов», а это ослабляет Россию. С точки зрения информационной войны против исламского фундаментализма чеченской окраски эти формулы идеологически проигрышны. Они ожесточают противника, делая его еще более опасным вместо того, чтобы его деморализовать и сделать менее уверенным в своей правоте. Говорить нужно было бы о «горцах, которых покинул аллах», «обманутых воинах, поправших закон ислама», «правверных, надругавшихся над законами шарията».

Последние из введенных правительством терминов — «нелюди». В целом чеченская армия сопоставляется с земноводным, в котором нетрудно усмотреть черты средневекового русского Дракона, Змея, Гада, который был олицетворением Сатаны: *«... Сжав зубы, задушить гадину на корню»* (Выступление Владимира Путина на заседании правительства. НТВ. Программа «Сегодня». 16.09.1999). Невольно премьер проецирует свой образ на фигуру Георгия Победоносца, побеждающего сатанинского Гада. А Гад был олицетворени-

ем «нехристя». С точки зрения ведения информационной войны этот ход не более сильный, чем бессмысленные призывы исламских экстремистов «бить неверных». На мозги неверных подобные лозунги не влияют. А именно их, неверных, то есть исламских экстремистов, премьер в принципе хочет деморализовать и победить. Позиция власти сводится попросту к ответной мести: «... за каждый разрушенный дом будут уничтожаться тысячи боевиков всеми доступными средствами» (НТВ «Сегодня» 21.01.06).

На Кавказе нет понятия «терроризм», а есть только понятие «мечь». Убийство здесь — благородный поступок, если у убийцы есть основания для «мести». Печально, что наши политики и наши военные сами заговорили о мести, об уничтожении. Они заговорили на языке, навязанном им врагом, а это первый симптом проигрыша информационной войны, за которым могут последовать если не военные поражения, то, во всяком случае человеческие жертвы. Еще в первую чеченскую кампанию военные говорили на этом самом «языке мести». Тогда вся жизнь горцев превратилась в войну, каждый мужчина превратился в воина ислама, уверенного в своей правоте. Ему кажется, что он просто хочет отомстить за погибшего отца, брата или друга. И он непобедим, потому что его можно убить, но смерть не является для него поражением. Складывается парадоксальная культурная ситуация: для «нас» победа — это смерть «врага», но для «врага» смерть — не есть поражение. В то же время, для «них» поражение русской армии в ее деморализации, а «мы» плевать хотели на мораль, потому что у нас «броня крепка и танки наши быстры». С такой точки зрения войну в Чечне можно считать принципиально бесконечной, дискретной, вялотекущей, так как ни одна из сторон не может «победить» другую из-за совершенно несовместимых культурно-языковых представлений о том, что же такое «победа».